

Батый Ирина Михайловна

Сказка, поэма в стихах (трёхстопный хорей, в русском народном стиле – с рифмой в смежных строках, всё содержание слито в одну строку из-за ограничения размера текста)

«Волшебная сказка об Иване-царевиче, сыне царя Ахридея, жене его Царь-девице, из Девьего царства, и дочери их царевне Лебедь, суженой князя Гвидона Салтановича»

Источники:

- 1) Сборник сказок «Лекарство от задумчивости» - М., 1786 год. № 24. «Сказка о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его Царь-девице».
- 2) Александр Сергеевич Пушкин. «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

В стародавнем царстве, в крепком государстве, жил во время оно во дворце с короной царь, что без затей звался Ахридей. У его Величества знатное количество денег и добра. Где же детвора? Где его царевич, званьем Ахридеич? Опечален царь: так же, как и встарь, государю нужен в возрасте недужном должности наследник, чтоб не быть последним. Голубь с голубицей, ну а царь с царицей молятся с усердьем: - «Будь к нам милосерден, превеликий Бог, мы отслужим долг!» Людям столь хорошим, добрым и пригожим, как не пособить? Надобно избыть неприятность эту. Тем же красным летом понесла царица, сиза голубица, для царя приплод в столь удачный год. За красу Луною нарекли. Малою не налюбоваться. Зря девицы тщатся встать в один с ней ряд, хуже все подряд. Краше всех царевна в городище древнем. Да для счастья кстати через год в палаты, в царские, явилась свыше божьей силой радость, не беда, дитяtko Звезда. И собой затмила сёстринскую милость: засияла ярко, запылала жарко к радости родных, к зависти чужих. В роскоши и в неге, многих слуг опеке девицы как лилии в этом изобилии расцвели на грядах любящих их взглядов. Подошёл им возраст, за которым взрослость. И нежданно в полдень да при всём народе вихорь чёрный взвился, тёмный дух явился. И унёс царевен меж кустов, деревьев. А куда? Бог весть. То грабёж иль месть? Побежали слуги, няньки и подруги, донесли царице. – «Боже, что творится посредине дня! Весть убьёт царя». Зарыдали хором всем печальным домом. Ахридей поспешно шлёт указ депешей: - «Кто найдёт царевен, молод или древен, будет, тем не менее, наделён имением, станет женихом, вхожим в царский дом!» Но молчат в народе, на печи ль, на сходе: кто украл – неизвестно, и найти не чают. Колдунов позвали, те же отвечали: - «Ни в воде, ни в шаре о небесной каре и намёка нет, пуст весь белый свет!» Вновь цари молились, милостынь явили бедным и убогим, осчастливив многих. Чтоб избыть их муки, дарит Бог сторукий куш царям

несчастливым. Плач был не напрасным. Вымолили сына. Рос же тот детина ото дня ко дню, как дано огню. От земли поднялся и за дело взялся: постигает с чувством рыцарей искусство, слушает с старанием мудрецов сказанья. Читит отцову веру. Силы в нём без меры. Назван был Иваном отрок, Богом данный. Мнят, грозою девичьей будет Ахридеевич. Он хоть и красуется, всё ж интересуется, отчего печальны и многострадальны и отец, и мать? Тут же доброхоты царские заботы, ну, живописать! И, ни дать, ни взять, целая трагедия вышла, не комедия. Удивлён Иван, сочиняет план выручить сестричек. В путь идти приспичет, ноги аж гудят, вдаль глаза глядят! Но без позволения, царского веленья, со двора нет хода. И, чтоб на свободу из дворца уйти, способ есть - идти на поклон к царю. Говорит: - «Молю, отпусти, отец. Я же удалец, умник и силач! Матушка, не плачь!» Ахридей угрюмо, тяжко думу думал, но решил всё чувством: не помочь тут буйством, надобно смирение. Вот его веленье: - «Коль готов, иди! Слушай и гляди, нет ли где приметы, слуха в целом свете о чете красавиц в Яви или в Нави? Но остерегись, весь ты застегнись, не вступай в раздоры, в вражьи разговоры. Прячься, если сможешь, от лихих прохожих!» Выслушан урок, дан царю зарок. Ну, а на прощанье прочим обещанье – обойдя весь свет, избежать всех бед! Сапоги у Вани – нет, не из сафьяна, а литой чугун. Он - бегун, прыгун и силач известный, богатырь из местных. Вот один, как перст, отмахал сто верст до столицы чуждой, там он, всем не нужный, по базару бродит, следа не находит. Мир весь под Луною давит он пятою. Там лишь он бывает, люд где обитает. Ни примет, ни слухов, беспросветно глухо. Наконец, мудрейшие Индии старейшины выдают совет: - «Обошёл весь свет? А леса бескрайные посетил ли? Тайны там сокрыты мхом. Не пройдёшь верхом по родимым дебрям, бродят там лишь вевери, лешие шумят, змеи копят яд. Так не из пугливых Ваня. Торопливо он меняет курс: - «Мигом доберусь к городу Дебрянску на его делянку!» Время пролетело, Ваня сделал дело: вот он в самой гуще заповедной пущи. Оттопырил ухо, тихо всё и глухо. Вдруг взревела басом неурочным часом пара Лешаков. Шум стоит таков, что гудит земля, в небо взмыли птицы. Ваня скок-поскок чащей на восток торопом бежит. Дикий видит вид Леших, что дерутся и до крови бьются. Страху нет в поджилках, на лице ухмылка, стал как богатырь – двинул плечи вширь, говорит весомо: - «Лешие, здорово! Отчего раздор, вышел в чём-то спор? Рассудить сумею, коль уразумею, что не поделили в леса изобилье?» - «Тут такое дело, говорят несмело, клад мы отыскали, из земли забрали, вот, взгляни-ка сам: чудеса все там!» Видит: скороходы, сапоги, что ходят сами по земле иль сигают птицей. Шапку-невидимку, что сокровит дымкой. А всего чудесней, оттого прелестней, скатерть-самобранка, что подобно няньке может накормить, мёдом напоить. Ваня тут смекает, что причину знает распри лешаков: - «Мой вердикт таков, три на два не делят!» - «Экий пустомеля! Без тебя известно, что делёж не честный». – «Можно, тем не менее, разрешить сомнение. Лесом бег устроить, выигрыш устроить. Кто сильней, тот право сыщёт на забавы!» До опушки леса он отправил леших. Сам же цап тот клад и убраться рад. В шапке, в сапогах да на всех парах – быстр он и невидим. Лешаков обидел, те завывали с горя да

нырнули в норы. Богатырь же лесом мчит за интересом. Зрит, пред ним стоит неживой на вид некий лес во тьме, с злой Ягой в избе. Ваня у избышки вредины-старушки просит: - «Обернись-ка, к лесу повернись-ка заднею стеной, будь крыльцом со мной!» А на том крыльце уж Яга с лицом дюже нехорошим край у хлеба крошит чёрному коту, щеря клык во рту. - «Фу-фу-фу! – чихает, - Русский дух витает. Не было тут сроду этого народа, и пришёл опять! И, ни дать, ни взять, будут мне доукой, даже смертной мукой! Вот, ужо, их съем с имуществом со всем!» - «Не ворчи, старуха, я пролётом, мухой. От родни я слышал про уют под крышей у твоей избы. Ты прищельцев, бают, напоишь, накормишь, на постель уложишь». - «Что же и не врут про Яги уют. Я грозна лишь с виду, а не дам в обиду царственных особ, правду молвлю в лоб, мне они сродни: по крови – одни, духом же – другие!» Створочки тугие у двери раскрыла, Ваню пригласила. Пироги едал, морс и квас пивал. Так устал молодчик, что уснул он тотчас. Поутру собрался: - «Да, не ошибался на твой счёт, Яга, но пойду, пока!» - «Что же ты не спросишь, а не зря ль носишь по тропе суму?» - «Ох, я не пойму, что ль, дорогу знаешь завсегда, иль баешь – ходу нет в пути?» - «Надобно идти за моим клубочком, приведёт он в точку!» Тут клубок метнулся от Яги, запнулся и побёг, прыг-скок через куст, пенёк по лесной тропинке по глухой глубинке. Ваня в скороходах ищет лаз в проходах, иль сигает в небо, где летит нелепо, глаз боясь сомкнуть и утратить путь. Но ему на счастье расступилась чаща. Белые палаты, в круг стоят солдаты. Чурбаны дубовые и блестят как новые. Наш Иван летучий шапку нахлобучил. Стал невидим сам вражеским постам. Вот уж молодец вхожим стал в дворец. Видит, на постели дремлет в колыбели ликом как Луна царская жена. Будит, тормошит, человека вид обретя опять: - «Ох, не время спать! Милая Луна, кровная сестра!» - «Брата нет, сестра лишь, как трясти ты смеешь, отойди ты прочь?!» - «Ахридея дочь! Послан за тобою царскую рукою. Чудом в свет явился, рос и к небу взвился, не прошло и года. И моя порода в батюшку-царя, аль не помнишь? Зря». В голос разрыдалась, с братом обнималась. Говорит: - «К свободе все закрыты ходы. Здесь царём Медведь и его терпеть - больше нету мочи... Миг, явится в очи, обернётся в мужа, хладен он как стужа и красив на вид, складно говорит». Ба, вошёл тут в сени ходко, без стеснения пребольшой медведь и давай реветь. После кувыркнулся, в мужа обернулся. - «Фу-фу-фу! – чихает, - Русский дух витает. Не было тут сроду этого народа, и пришёл опять! И, ни дать, ни взять, будут мне доукой, даже смертной мукой! То не брат ли твой вырос уж большой?» Но твердит Луна, мол, одна она. В шапке-невидимке братец скрыт во дымке. Говорит Медведь: - «Ты не бойся впредь! Коль тебя увижу, верь, что не обижу! Коль меня сумеешь удивить, посмеешь ты пожить в палатах, золотом богатых!» - «Ладно, так и быть. Просим есть и пить, скатерть-самобранка!» Скок-поскок служанки расставляют блюда для царей и люда: - «Пейте на здоровье молоко коровье!» Уж Медведь доволен, а царевич волен у сестры в гостях знать о новостях: - «Как живётся той, что зовут Звездой?» Говорит Медведь: - «О, три дня лететь, а сто дней идти пешим по пути. Там у Лукоморья Юда территория. А во медном замке, как картина в рамке, всех дивит

Звезда, яркая всегда. Чудо-юдо, рыба Кит обернётся в вид добра молодца, гожего с лица и идёт во замок, где полно русалок и морских чертей с множеством затей». Скоро вот уж Ваня в обществе избранном Чудища морского, но на вид такого, что различий нет по чреде примет с виденным Медведем. Отчего соседи схожи по примете, Ване кто ответит? Как бы невзначай, распивая чай, чёрту говорит: - «Нет ль кого иного, сильного такого?» - «О, - смеётся, - есть! Окажи-ка честь, посети-ка птичку, ростом невеличку, Коршуна презлого. В доме нет хозяйки. Не пасуй, ступай-ка! Сможешь угодить, живу, значит, быть!» Говорит Иван, видом простован: - «Хоть и далеко, соберусь легко в новую дорогу, к новому порогу!» Шапку нахлобучил. Топ-топ откаблучил, сиганул на небо, где ни разу не был, к Коршуну-злодею. Что же он затеял? Юдо и Медведя побороть он метил. Но к его досаде в облачной ограде видит: муж-красавец – тот же всё мерзавец, что пленил сестёр, грозен и хитёр. Видно, то - личины одного мужчины именем Кощей, магов что сильней. – «Так, - смекает Ваня, - в грязной я лохани, надо выбираться с вражеских локаций». Говорит любезно, мол, мне интересно, отчего царицы нет, лишь птичьи лица? Отвечает Коршун, оттого мне горше в свете белом жить – не могу добыть Царь себе девицу, лебедей царицу. У неё на страже Змей лежит ужасный. Хоть имею средство от него в соседстве, не могу поднять тяжесть ту в объятья – меч ведь Кладенец! Ну-ка, молодец, не в твоих ли силах, крепостью во жилах подвиг совершить, стража победить?» – «Ладно, я согласен. Но коль Змей опасен, будь ты в стороне, чтоб не быть беде!» Мигом скороходы сиганули с свода сумрачных небес. Он глядит окрест: видит, в буром камне меч торчит исправный, золотом горит. Путь к нему торит. Хватъ за Кладенец, вытащил конец. Из последних сил на плечо взвалил. Глядь, а за туманом чудище поганое с дюжиной голов. Змей напасть готов у Смородины, чёрта родины. - «Фу-фу-фу! – чихает, - Русский дух витает. Не было тут сроду этого народа, и пришёл опять! И, ни дать, ни взять, будут мне докукой, даже смертной мукой! Вот, ужо, их съем с имуществом со всем!» - «Не ворчи, Змеюка, о каких-то муках. Накось, да отведай, накормлю обедом!» Размахнулся, вдарил, разом обезглавил. И мостом Калины припустился длинным. Ванин же приятель из своей обители коршуном тут взвился, у моста явился. Да напрасен труд, отросла обратно (и больших, и ладных) дюжина голов Змея. И готов он опять кусаться и с пришельцем драться. Коршуна схватил, в реку потащил. Там колдун во Юду, водяного чуду, обернулся вмиг и под камни – шмыг! Ваня же царевич, ох, глазам не верит: он во царстве Девьем, где среди деревьев видит их дворец, каменный ларец. Уточки навстречу, Ваня их приветил – побросали перья, стали, как в поверьях, амазонками, станом тонкими. – «Ах-ах-ах, - вскричали, - парня повстречали. Значит, к Царь-девице надобно явиться. Тот совсем непрост, кто прошёл сквозь мост!» Во дворце царица, видом лебедь-птица, смотрит, не кривится. Вот уже не птицей, а красой-невестой да на троне вместе с Ваней-храбрецом, гожим молодцом. Хочет Царь-девица счастьем поделиться, мужу угодить. – «Вань, что подарить?» – «Нет тебя красивей, ты владеешь силой достигать богов. Мой удел таков – вызволить сестёр. Враг их зол, хитёр. Он –

Медведь и Юдо, Коршун, а при людях – прекрасный муж. Что захочет, куш у него в ладонях. Ну, а что ни тронет, обращает в золото, оттого богатый. Чахнет он над ним, им живёт одним». – «Ах, царевич Ваня, муж ты мой избранный, есть такая сила, что в себя вместила власть над этим духом!» - «Это всё по слухам, верю лишь глазам!» - «Убедись-ка сам, как тот Великан, преданный мне сердцем, распахнёт все дверцы, вызовет сестриц. Пару милых лиц ныне же увидишь, коль на волю выйдешь и на скороходах дашь до дому ходу. Коль затем вернёшься, ты не ошибёшься, а найдёшь награду, а семье отраду – маленькую дочь, как и я, точь-в-точь, пусть зовётся Лебедь на земле в небе. Так всё и случилось, а царевне милой тётушка Луна, тётушка Звезда послали подарки, дорогие, яркие: со звездой корону, с месяцем корону. Выйдет как в толпу – о, звезда во лбу, месяц под косой – блещет красотой. Только Коршун злится. Ну, давай он виться вокруг невесты царства, и его мытарства вознаграждены: даром, без вины пострадала Лебедь, показавшись в небе на свою беду. Налетел колдун. О, повержен он. Царский сын Гвидон неспроста, но сразу оказался рядом, спас он красоту, суженную, ту, что назначил Бог, а сказочке – итог.